

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)521.2

Проблема оценки периода 30-х гг. XIX в. в истории формирования русского национального самосознания

М.А. Широкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Problem of Estimating the Period of the 1830s in the History of the Formation of Russian National Identity

M.A. Shirokova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается эпоха 30-х гг. XIX в., которую автор считает важнейшей в формировании русской философии, науки и политической мысли как теоретического оформления национального самосознания. Кроме того, именно в данный период русская культура приобрела мировое значение. Таким образом, верное понимание общего хода культурно-исторического развития в 1830-е гг. является своего рода ключом к истории русской идеи и истории России в целом.

Выявляются хронологические границы периода, выходящие за рамки непосредственно десятилетия 1830-х гг. Автор присоединяется к исследователям, называющим начальной точкой эпохи 1825 г., год восстания декабристов, а завершающей границей — 1841–1842 гг., время явного раскола русской культуры на славянофильство и западничество. Приводятся противоречивые оценки 1830-х гг. с точки зрения русских мыслителей прошлого и современности. В российской и советской историографии преобладающей была характеристика этого времени как периода упадка общественной активности в условиях усиления государственного авторитаризма. По отношению к рассматриваемому хронологическому отрезку в статье анализируется проблема соотношения культурно-исторической, цивилизационной, политической субъектности общества и государства.

Ключевые слова: национальное самосознание, рефлексия, русская культура, русская философия, история политической мысли.

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-15

Непреодолимая актуальность изучения 30-х гг. XIX столетия в истории русской культуры, русской философии и общественной мысли заключается прежде всего в том, что именно в данный период происходило становление нашей национальной культуры

The article examines the epoch of the 1830s, which the author considers the most important in the formation of Russian philosophy, science and political thought as a theoretical formulation of national identity. In addition, it was at this time that Russian culture acquired world significance. Thus, a correct understanding of the general course of cultural and historical development in the 1830s is a kind of key to the history of the Russian idea and to the history of Russia as a whole.

The article reveals chronological boundaries of the period, which go beyond the immediate decade of the 1830s. The author joins the researchers who call 1825 the starting point of the epoch, the year of the Decembrist uprising, and the final border — 1841–1842, the time of a clear split of Russian culture into Slavophilism and Westernism.

Contradictory assessments of the 1830s are cited from the point of view of Russian thinkers of the past and the present. In the Russian and Soviet historiography, the characteristic of the 1830s as a period of decline in public activity was prevailing because of conditions of increasing state authoritarianism. In relation to the considered chronological segment, the article analyzes the problem of the correlation between the cultural-historical, civilizational, political subjectness of society and the state.

Key words: national identity, reflection, Russian culture, Russian philosophy, history of political thought.

как явления, имеющего мировое значение. Значение это сопоставимо со значением культуры Древней Греции или итальянского Возрождения. Причины фантастического взлета духовной жизни России того времени и факторы, повлиявшие на ее разви-

тие, всегда интересовали исследователей. Тем более, что развитие это происходило на фоне сравнительной экономической отсталости от западных стран, а также масштабной правительственной реакции, усиления цензуры и подавления инакомыслия.

Примечательно, что как раз в обозначенную эпоху русское образованное общество впервые на теоретическом уровне предприняло грандиозную попытку осознать само себя, свое своеобразие, «самобытность» своей жизни, определить свое место в историческом процессе среди других народов и государств. Национальное самосознание, во многом благодаря полемике славянофилов и западников, становится философской рефлексией, которая осмысливает не только собственно объект (Россию как цивилизацию и культуру), но и сам способ своего мышления, его особенности. Здесь уместно вспомнить понятие рефлексии как «высшей формы самосознания», при которой «субъект осуществляет специальный анализ способов своей деятельности и явлений сознания, в том числе и своего Я» [1]. Ж.-П. Сартр называл рефлексией «новым способом бытия» субъекта, и его определение абсолютно совпадает с высказываниями родоначальников русской философии. Потребность в философии ощущалась в 1830-е гг. как необходимость «нового модуса существования» [2, с. 235], т.е. само создание философии мыслилось как качественное изменение всей русской жизни — культурной, социальной, политической.

Необходимым условием возникновения рефлексии является «овладение языком и другими средствами межчеловеческой коммуникации» [1]. И как раз в 1830-е гг. XIX в., главным образом в творчестве А.С. Пушкина, русский язык достиг той степени совершенства, которая и позволила, как говорил славянофил А.С. Хомяков, «возвести жизнь до сознания», т.е. дала возможность высказаться на понятийном уровне практически обо всем, в том числе и о себе.

Итак, объективная оценка культурно-исторического развития России в 1830-е гг. выступает своего рода условием для адекватного понимания общего хода отечественной истории.

Специфику ситуации, сложившейся в России во второй четверти XIX в., неоднократно подчеркивали авторы обобщающих работ по истории русской философии. Данная проблематика восходит к трудам писателей и философов конца XIX — начала XX в. — Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, В.В. Розанова, В.В. Зеньковского, Г.В. Флоровского, В.И. Иванова, С.Л. Франка, И.А. Ильина, С.Н. и Е.Н. Трубецких, Н.А. Бердяева. В конце XX — начале XXI в. к этой теме обращались Ф.И. Гиренок, А.В. Гулыга, Н.П. Ильин, С.Г. Кара-Мурза, В.В. Кожинов, А.А. Корольков, М.А. Маслин, В.С. Непомнящий, А.С. Панарин, В.В. Сербиненко, С.С. Хоружий, В.И. Холодный и многие другие.

Среди современных исследований отметим точку зрения О.В. Парилова, который осмысливает развитие русского национального самосознания через призму диалектического метода и утверждает, что в нем проявился триадический принцип: «тезис — антитезис — синтез».

Тезис, по его мнению, — это «акцент на всемирной, мессианской роли России», высказанный в рассматриваемую эпоху славянофилами.

Антитезис — это «трактовка России преимущественно как локальной цивилизации; представление о ее уникальности сочетается с изоляционистскими тенденциями». Антитезис был выражен консервативными мыслителями второй половины XIX в. Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым.

Наконец, синтез: «идея всемирного призвания России, необходимости интеграции с иными культурами сочетается с идеей самоценности локальных культурно-исторических типов, трактовкой России как уникальной евразийской цивилизации». О.В. Парилов считает, что эта идея присутствовала в мировоззрении евразийцев [3, с. 11].

В нашей статье при изучении конкретно-исторических условий 30-х гг. XIX в. также использован диалектический метод, в частности, идея единства и борьбы противоположностей. Кроме того, применен цивилизационный подход, согласно которому Россия рассматривается как самостоятельная цивилизация (культурно-исторический тип), обладающая уникальными особенностями развития социально-политических институтов и общественных отношений, а также философских идей. Еще одним методологическим ориентиром послужил историзм как принцип изучения социальной и культурной действительности, в основе которого лежит представление о постепенном «органическом» развитии любого явления и каждом этапе в истории как определенном и необходимом звене в историческом процессе.

Возвращаясь к заявленному временному отрезку, обозначим границы «1830-х гг.». Нередко бывает, что качественные характеристики определенной эпохи выходят за ее хронологические рамки. В данном случае «30-е гг.» начинаются сразу после 1825 г., после восстания декабристов, которое для русского самосознания сыграло во многих отношениях ту же роль, что и Великая французская революция — для самосознания народов Европы. До 1825 г. еще продолжались духовные тенденции XVIII столетия.

Завершением периода, очевидно, являются 1841–1842 гг., когда увидели свет программные работы основоположников славянофильства и западничества, начался знаменитый «великий раскол» в среде формирующейся русской интеллигенции.

В литературе исследуемая эпоха — это эпоха зрелого Пушкина, а также Гоголя, Лермонтова, Тютчева,

Кольцова. В философии — это время таких оригинальных и глубоких мыслителей, как Чаадаев, Одоевский, Хомяков, Киреевский. Это время, когда существовал знаменитый кружок Станкевича, куда входили столь разные впоследствии по своим политическим взглядам, но одинаково увлекавшиеся гегелевской философией яркие личности — Белинский, Бакунин, Аксаков, Самарин и др.

И все же очень часто как в советской, так и в постсоветской историографии 30-е гг. XIX в. характеризовались и продолжают характеризоваться как период упадка, связанного с «первой николаевской реакцией». Действительно, тогда налицо был явный кризис важнейших устоев Российской империи. Следствием неудавшегося восстания декабристов стал окончательный разрыв политического союза между самодержавной властью и той частью образованного общества, которая принимала наиболее деятельное участие в политике, культуре и общественной жизни в целом. Образованное общество больше не чувствовало себя союзником правительства. В свою очередь правительство, лишённое поддержки и доверия общества, т.е. легитимности, все более наращивало бюрократический аппарат. С целью предотвращения революционных выступлений учреждается корпус жандармов, создается развитая система политического сыска, ужесточается цензура, происходит наступление на академические свободы университетов и т.д. Во всех ведомствах устанавливается крайний бюрократический централизм [4].

Почему же именно в этот период русский язык, словесность, сам образ мышления переживают столь глубокие преобразования? Ведь согласно общепринятой позиции для развития философии, науки, просвещения необходимо наличие определенных демократических институтов, гражданского общества, некоторого политического плюрализма, свободы слова, мысли и т.д. Фактически ничего этого мы в России 1830-х гг. не наблюдаем.

Парадоксальность данной ситуации неоднократно отмечалась и современниками, и потомками. На эти обстоятельства указывал Н.А. Бердяев в «Русской идее»: «Творческая мысль пробудилась... в николаевскую эпоху, и она была обратной стороной, полярно противоположным полюсом политики гнета и мрака. Русская мысль засветилась во тьме» [5, с. 62].

Бесспорно, что в России практически не было элементов либеральной демократии в западном понимании. Государство всегда стремилось безраздельно держать в своих руках основные рычаги управления. Все тот же Бердяев справедливо писал: «Россия — самая государственная и бюрократическая страна в мире... Интересы государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории... Классы и сословия слабо

были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран... Бюрократия развилась до размеров чудовищных... И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своим законам, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни» [6, с. 6–7].

С другой стороны, продолжал Бердяев, «Россия — страна безграничной свободы духа». «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства. Россия — страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами» [6, с. 12]. Упоминание о «мещанских нормах» явно перекликается с оценками Запада, данными ранее А.И. Герценом.

Бердяев констатирует диалектическое противоречие: «Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность» [7, с. 7].

И здесь мы с неизбежностью выходим на проблему соотношения своего рода культурно-исторической, цивилизационной, политической субъектности общества и государства. Какой элемент должен играть ведущую роль, а какой — вспомогательную? Что является целью, а что средством — государство или общество? Кто, в конечном итоге, определяет развитие страны? Кто формулирует цели, показывает перспективу развития, создает образ будущего?

В России на этот счет издавна сложились две точки зрения, представленные двумя традициями — нестяжательской и иосифлянкой. В 30-е гг. XIX в. славянофилы, а также П.Я. Чаадаев, В.Ф. Одоевский, выходцы из кружка Любомудров и кружка Н.В. Станкевича с разных мировоззренческих позиций, но продолжали нестяжательскую традицию. Согласно ей, обществу и личности должна быть предоставлена свобода, прежде всего свобода слова и свобода творчества, в том числе и политического, потому что именно такая свобода дает возможность генерировать идеи, позволяющие стране развиваться. А сторонники государственной доктрины «Православия, Самодержавия, Народности» С.С. Уваров, М.П. Погодин, С.П. Шевырев и другие продолжали традицию иосифлянскую, утверждавшую, что главный субъект исторического развития — государство, и оно, в своих интересах, имеет право либо подавлять общественную и личностную активность, либо твердо и даже насильственно направлять ее в нужное русло.

Таким образом, в 1830-е гг. жесткий государственный авторитаризм, граничащий в некоторых своих проявлениях с тоталитаризмом, парадоксальным об-

разом оказался благоприятной средой, в которой произошёл стремительный рывок в развитии национальной культуры и национального самосознания.

Есть основания утверждать, что определяющую роль в формировании широко распространённого мнения о 1830-х гг. как о периоде духовного упадка сыграли некоторые положения, высказанные А.И. Герценом в его книге «О развитии революционных идей в России». В частности, Герцен писал: «Первые годы, последовавшие за 1825-м, были ужасны. Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении поработанного и гонимого существа. Людьми владело глубокое отчаяние и всеобщее уныние» [8].

В. В. Кожин, один из немногих исследователей, сравнительно недавно обративших внимание на односторонность и потому необъективность этого герценовского взгляда, указывал, что на родоначальника «русского социализма» повлияли негативные впечатления юности [9]. Ведь в 1834 г. студенческий философский кружок, возглавляемый Герценом, был разогнан, а его руководители арестованы и сосланы «в отдаленные губернии». Вернуться в Москву Герцену удалось только в 1842 г., и он сразу же активно включился в полемику славянофилов и западников на стороне последних. Впрочем, и взгляды славянофилов он высоко ценил именно как проявление национального самосознания.

Очевидно, отдавая должное славянофилам, А.И. Герцен впоследствии, в 1860-е гг., гораздо более объективно высказался об эпохе 1830-х гг. Он отмечал: «Николай... не виноват в пользе, им сделанной, но она сделалась. Юношеская самонадеянная мысль александровского времени смирилась, стала угрюмее и с тем вместе серьезнее... Удивительное время наружного рабства и внутреннего освобождения» [10].

Неудача декабристов стала своеобразным вызовом для русской науки и культуры. Теперь насущной задачей становилось формирование самостоятельной русской системы мышления, которая позволила бы понять объективные закономерности и особенности национальной истории и только после этого приступить к социально-политическим преобразованиям. В обществе сформировался запрос на теоретическое национальное самосознание, без которого

было совершенно невозможно дальнейшее политическое и духовное развитие.

В чрезвычайной резкой форме этот запрос выразил П.Я. Чаадаев в своем знаменитом «Философическом письме» (написанном в 1828 г., а опубликованном в 1836 г.): «А теперь, я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?.. Века и поколения протекли для нас бесплодно... Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли...» [11].

Представляется обоснованным замечание В.В. Кожина, что столь беспощадная «национальная самокритика» Чаадаева обращена не ко всему русскому народу, а к людям того немногочисленного интеллектуального слоя, к которому чувствовал свою принадлежность и сам Чаадаев. Говоря «мы», Чаадаев подразумевает тех, кто имеет все возможности создавать великую национальную культуру, но до сих пор, по мнению философа, не поднял ее на мировой уровень.

В заключение хотелось бы вернуться к поставленной выше проблеме соотношения субъектности государства и общества, а также к вопросу о том, может ли осуществиться расцвет культуры в условиях государственного деспотизма. Именно П.Я. Чаадаев дает интересное решение этих проблем в своем письме А.И. Тургеневу 1835 г. Говоря об ответственности образованного общества за отсутствие в России развитой науки и культуры, он замечает: «В нас есть, на мой взгляд, изумительная странность. Мы сваливаем всю вину на правительство. Правительство делает свое дело, только и всего; давайте делать свое, исправимся. Странное заблуждение считать безграничную свободу необходимым условием для развития умов» [12].

Чаадаев вовсе не идеализировал политику правительства, более того, готовясь к публикации своих «Философических писем», он отчетливо понимал, что лично к нему будут наверняка применены репрессивные меры, как впоследствии и случилось. Но в то же время за судьбами отдельных людей он сумел увидеть судьбу русской культуры в целом, которая может и должна достичь мирового значения.

Библиографический список

1. Лекторский В.А. Сознание // Электронная библиотека Института философии РАН. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01089449209fc347f3553108>.

2. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — Вильнюс, 1991.

3. Париков О. В. Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Нижний Новгород, 2006.

4. Широкова М.А. Концепция славянофилов как исторически первое философское выражение «русской идеи» // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы. — СПб., 2017. — Т. I.
5. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской философской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. — М., 1990.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1918.
7. Бердяев Н.А. Самопознание. — М., 1991.
8. Герцен А.И. Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года. Пятая глава работы «О развитии революционных идей в России» // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. — М., 1982 [Электронный ресурс]. — URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0320.shtml.
9. Кожин В.В. О русском национальном сознании. — М., 2002 [Электронный ресурс]. — URL: <https://profilib.net/chtenie/128145/vadim-kozhinov-o-russkom-natsionalnom-soznanii-80.php#t1>.
10. Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // А.И. Герцен. Сочинения: в 9 т. — М., 1958. — Т. 7 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0180.shtml.
11. Чаадаев П.Я. Философические письма // П.Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма. — М., 1991. — Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml.
12. Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу (октябрь-ноябрь 1835 г.) // П.Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма. — М., 1991. — Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml.